

А маленькая девочка наивна,
Не задает вопросов, верит маме.
Она сидит за черным пианино,
И до паркета не достать ногами,
И косами трясет, а в них — бантами.
В саду же осыпается малина,
Подобна гамме.

И дальше так же — шариками ртути
Из ноты в ноту, от «секунд» к минуте
И к пальчикам, доросшим до октавы.
Пусть нет бантов, но есть кольцо на правой,
В саду малина опадает в травы.
А мамы нет.
И музыки, по сути.

Лишь иногда в сумятице вечерней
Ей удастся улучшить минуту:
Она в саду садится на качели —
В окне напротив жалобно и глупо
Ей улыбнется инструмент плачевный,
А маленькая девочка всё лупит
Этюды К Черни.

ПРО ЛЮБОВЬ

отрекись от своего,
что принадлежит по праву,
это было баловство
глаз и мальчиков кровавых

с возведением в лингам
самой главной из утопий,
по кисельным берегам
нескончаемые топи,

в этом всё: крахмальный грунт,
в мутном небе коромысло
и любовь, как русский бунт,
без пощады и без смысла,

где в итоге всем равно —
к телу чистая рубаха.
эти пальцы — так давно —
даже ладаном не пахнут.

***

ничего не будет после солнца,
гаснущего медленно вдали,
и шмеля, летающего сонно,
женщина мертва. но жив Дали.
ты жива ещё, моя старушка.
синь сосёт глаза и васильки.
гаммельнская глупая норушка
захлебнулась воздухом реки.

НАДЕЖДЕ

И вон, смотри, глядят из висока
И для тебя взбивают облака,
Друг другу шепчут – рано, мол, пока,
Но всё равно – уже, мол, скоро, скоро,
Поскольку ждёт тебя надземный город.
Июль под Илию по шву распорот,
Но в пару дней сошьются берега,
Уже дрожит купальщика нога,
На северах волнуется шуга –
Вот-вот в поход на город захоластный,
Где ты жила и письменно, и устно,
Ко всем добра и лишь к себе строга.
Взошла звезда, когда зрачок погас.
Так умирать – великое искусство.